

Достойное завершение многолетнего труда *

Sergey Kulikov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

A worthy conclusion of years of work

Большие публикаторские проекты нередко растягиваются на многие десятилетия, и не всегда их удаётся довести до конца. Подготовка к печати дневников и воспоминаний графа Дмитрия Алексеевича Милютина (1816–1912) обрывалась дважды. Она началась ещё до революции 1917 г., под руководством Г.Г. Христиани, успевшего выпустить лишь первый том, появившийся в Томске в 1919 г. Затем в середине XX в. профессор П.А. Зайончковский опубликовал, с небольшими купюрами, милютинские дневники 1873–1882 гг. (согласно первоначальному замыслу, публикация должна была включать и тексты 1883–1886 гг.)¹. И только в 2013 г., благодаря почти двадцатилетним усилиям ученицы П.А. Зайончковского – профессора Л.Г. Захаровой и созданного ею исследовательского коллектива, завершилось первое полное научное издание мемуарного наследия военного министра Александра II и последнего русского генерал-фельдмаршала. В итоге оно составило 12 томов².

В записях 1891–1899 гг. отчётливо проявились характерные особенности мемуаров Милютина – профессионального историка, опытного и весьма осведомлённого государственного деятеля, а также скромного и строгого и к современникам, и к самому себе человека. Конечно, это прежде всего дневник сановника, удалившегося от дел и редко покидавшего своё имение в Симеизе, где, размышляя о прожитой жизни, он наслаждался неведомым ранее покоем и художественной литературой. Так, 14 ноября 1894 г. после прочтения «некоторых романов» Ф.М. Достоевского он записал: «С последним я до

сих пор совсем не был знаком и читал его с удовольствием» (с. 336). Три дня спустя граф признаётся: «Убиваю время в чтении попавших случайно под руку русских писателей: Достоевского, Тургенева, графа Л.Н. Толстого. С большею частию их произведений я вовсе не знаком, до сих пор мне было не до чтения романов» (с. 336). Автор этих строк – уже весьма пожилой человек, стойчески отмечавший постепенное угасание своих сил, но не утративший интереса к политическим событиям и общественной жизни, к близким и к дальним родственникам, старым и новым знакомым, устройству усадебного хозяйства, налаживанию в нём системы водопроводов и проч. В дневнике можно найти и семейную хронику дворянского рода Милютиных, написанную его патриархом, и записки русского путешественника, побывавшего летом 1891 г. в Европе и Северной Африке, и целую галерею посмертных портретов видных исторических деятелей, которых Дмитрий Алексеевич хорошо знал лично.

В 1890-е гг. Милютин оставался одновременно либералом и государственным. Так, он хвалил вел. кн. Константина Николаевича, который «в государственной деятельности постоянно оставался верным либеральному направлению» (с. 219), и, напротив, критически отзывался об А.Е. Тимашеве, принадлежавшем к числу «ярких крепостников и реакционеров» (с. 243). Его искренне возмущало «нахальство» «наших консерваторов» (с. 224). Вместе с тем, как и в 1860–1870-е гг., он последовательно отстаивал единство империи и выступал против любых проявлений сепаратиз-

* Милютин Д.А. Дневник. 1891–1899 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 774 с.

ма. Об «остзейской фанаберии» (с. 294), «польщизне» (с. 341) и «сепаратистических стремлениях финляндцев» (с. 401) граф отзывался с нескрываемой неприязнью. Критикуя Б.Н. Чичерина, видевшего в разделах Речи Посполитой попрание нравственного права и призывавшего к воссозданию Польши в том или ином виде, Д.А. Милютин напоминал своему давнему другу 13 ноября 1899 г.: «Все существующие государства зиждутся на прошлых правонарушениях и насилиях. Возможно ли когда-либо восстановление всех прежде нарушенных прав? Во всякой борьбе неизбежны взаимные поочерёдные правонарушения; к которому моменту былой борьбы отнести восстановление нравственного права над материальной силой? ... Все прежние и все современные большие государства образовались из смеси разных племён и народов; возможно ли с практической точки зрения домогаться восстановления всех бывших некогда народностей к первоначальной их обособленности и самостоятельности (так в тексте. — С.К.), подобно химическому разложению сложных веществ на простые элементы? ... Применение такого процесса к политике было бы разгромом существующих государств и результатом его был бы всеобщий хаос и анархия» (с. 674). Однако Чичерина всё это не убеждало. Прекращая полемику, Милютин констатировал: «Став твёрдо на теоретическую позицию, он упорно отказывается от всякой уступки практическим соображениям политики» (с. 535). В этих спорах двух старых друзей-либералов, мировоззрение которых сложилось ещё в 1840-е гг., в какой-то мере отражалось различие между прагматичным либерализмом бюрократии эпохи Великих реформ и доктринёрством либеральной профессуры.

Скептически относился Милютин и к представлениям Чичерина о науке и научном знании. Ему были чужды эти «отвлечённые, туманные толкования метафизические», образующие «такой лабиринт, в котором легко заблудиться и, в конце концов, прийти к самым ложным выводам» (с. 229). Не веря «безграничности ума человеческого», Дмитрий Алексеевич считал, что «разумнее остановиться в своих поисках, чем тешить

себя миражом — туманными формулами философской диалектики» (с. 230). В трудах Чичерина Милютину не нравилось и то, что «так называемая “социология” сводится у него к окончательному признанию непреложности существующей в Западной Европе формы общественного и государственного устройства. В этом отношении, по убеждению Бориса Николаевича, человечеству некуда идти дальше и нечего искать другого» (с. 229).

При этом, как и Чичерин, Милютин был западником и сетовал на отсталость России от Европы. Однако он вовсе не склонен был идеализировать европейские реалии. Будучи явным франкофилом, в мае 1898 г. он сожалел о том, что «бедная Франция» находится в «хаосе» (с. 481). «Нет в Европе страны более демократичной, чем Греция, — записал граф 7 июля 1891 г. — Самый бедный рабочий подаёт руку богачу или сановнику. В публичной жизни сливаются все слои, высшие и низшие: простолюдин и министр, даже сам король и принцы, пользуются одними и теми же вагонами *tramway*’я. Между тем не замечается ни малейшего нахальства, ни грубости со стороны низших классов относительно высших». И тут же, признавая «поразительное в новые времена возрастание общественного и городского благоустройства в Греции при крайней скудости финансов государственных», он обращает внимание на то, что здесь «простой народ весьма добродушен; но в то же время преклоняется пред золотым тельцом»: «Богатство пользуется большим почётом и влиянием. Не только бедняк, но и сравнительно достаточный человек не постыдится при случае обсчитать простак или иностранца на несколько драхм» (с. 51–52). Да и «благоустройство» бросалось в глаза преимущественно в столице, а, к примеру, «Патрас, как и другие греческие города (за исключением Афин), находится довольно в первобытном состоянии: улицы не мощёные, без тротуаров; ходить по ним очень неприятно по причине слоя пыли, которая после дождя, разумеется, обращается в непроходимую грязь». Тут «нет ни старинных церквей, ни красивых новых зданий; а между тем, по словам консула, Патрас город богатый;

имеет до 40 тысяч жителей и ведёт обширную торговлю» (с. 200).

Не без добродушной иронии Милютин описывал, как перед выборами афинского демарха («городского головы») «слышны были в продолжение всей ночи крики, пение избирателей, подготовляемых попойкою и бражничанием к открываемому с раннего утра заявлению народной воли». Накануне «столкновения избирателей разных партий не обошлись без кровопролития; было несколько раненых» (с. 51–52). По вине местных «нигилистов» («ломбардов») в том году «не обошлись без нескольких убитых и раненых» и муниципальные выборы на острове Кефалония (с. 58).

Ещё строже суждения Милютина об Англии — видимо, сказывалась многолетняя привычка рассматривать её как наиболее враждебную России державу. В Ливерпуле он наблюдает, как «кучки оборванцев ходят, сидят и лежат вдоль грязной набережной, без всяких средств для своего насущного пропитания». «Здесь, — утверждает путешественник, — наглядно представляется серьёзное значение рабочего вопроса» (с. 79). Покидая остров, русский западник, пожалуй, как никогда категоричен в своей оценке: «Ни в какой другой стране, ни в каком ином народе не встречается столько противоположностей и противоречий, как в Англии и в англичанах. Города — закопчённые, угрюмые, а между ними такая яркая прелестная зелень, какую едва ли где-нибудь можно найти; колоссальные богатства, самая изысканная роскошь, громадные сооружения и рядом крайняя нищета, масса пролетариев, остающихся без работы и без средств пропитания. Такие же противоположности в характере и привычках англичан: славятся они оригиналами, причудниками, и в то же время ни один народ не подчиняется в такой степени, как они, разным мелочным, иногда даже бессмысленным обычаям, принятым формам общежития. Отличаются англичане своею чопорностью, строгим соблюдением условных приличий, а между тем едва ли где совершается подпольно столько безнравственности. Считаются англичане народом практичным, умелым в устройстве всякого дела; и вместе

с тем строго держатся как в частной, так и в общественной жизни порядков устарелых, средневековых форм, совершенно не соответствующих современной жизни, крайне неудобных, даже нелепых³. Далее, славятся англичане своею “лояльностью”, высокою честностью, правдивостью, а между тем в Англии более, чем где-либо, надобно остерегаться плутовства, обмана, даже просто кражи. Самый высокопочитаемый государственный муж не поколеблется солгать или совершить самое незаконное, неправо дело, под предлогом всеобъемлющих британских интересов. Наконец, нет народа более эгоистичного, более надменного, высокомерного, нахального, чем англичане; и в то же время нет людей более обходительных, любезных, внимательных в известных случаях, например, в домашней жизни и в отношении к людям, хорошо “рекомендованным”». «В заключение скажу, — с несвойственным ему обычно раздражением писал Дмитрий Алексеевич, — что на меня Англия произвела впечатление подавляющее, безотрадное. Признаюсь, что покину эту эгоистичную, несимпатичную страну не только без малейшего сожаления, но даже с радостью» (с. 81–83).

Сравнивая в июле 1899 г. положение в России и в других, «более цивилизованных», странах, Милютин приходил к неутешительному выводу: «Всё, происходящее в разных частях света, так несимпатично, что хотелось бы оставаться в полном неведении» (с. 525). «Какой перемены к лучшему можем мы ожидать, — писал он Чичерину 19 сентября того же года, — когда в самом обществе, даже в молодёжи, отброшены всякие идеалы и взяли верх узкие эгоистические инстинкты. И не мы одни страдаем этим недугом; такие же грустные симптомы проявляются и в передовых странах Западной Европы» (с. 663).

В дневнике 1891–1899 гг. много говорится о контактах Милютина с Александром III и Николаем II, императрицами и великими князьями (помимо прочего, все они жили в Крыму по соседству). В начале царствования Николая II Дмитрий Алексеевич был полон смутных надежд на лучшее. «Молодой Государь, — написал он 22 декабря 1894 г., — высказал

одному из министров, затронувшему какой-то серьёзный вопрос законодательный, что на первое время желает ничего не изменять, никаких новых вопросов не поднимать, пока не ознакомится с ходом дел по всем ведомствам. Если это правда, то можно только похвалить такую благоразумную выдержку молодого монарха» (с. 340–341). Подобная осторожность, разумеется, отнюдь не исключала того, что со временем внук Александра II продолжит либеральную политику своего деда. Как вспоминала близкая к царской семье статс-дама баронесса С.К. Буксгевден, Николай II «с глубоким чувством» высказывался об Александре II, с которым у него было «много общего»⁴. Более того, уже в ноябре 1894 г. в газетах распространялся ложный слух о приезде Милютина в Петербург и назначении его «канцлером» или «как бы “советником” нового императора» (с. 338). В январе 1895 г. Николай II направил рескрипты «на имя разных выдающихся деятелей царствования Александра II»⁵. В связи с этим обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев жаловался московскому генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу, что «новый государь с первого шага отличил тех самых, кого покойный считал опасными»⁶.

Некоторым диссонансом прозвучали слова о «бессмысленных мечтаниях», обращённые Николаем II 17 января 1895 г. в Зимнем дворце к земским и сословным депутатам. «Очень жаль, — записал Милютин 21 января, — что ставится так круто вопрос о самодержавии. Кто же замышляет ограничение самодержавия? Если б даже и возникло с чьей-либо стороны предложение об “участии в делах государственного управления представителей земства”, — то ведь это ещё не значит ограничивать самодержавные права верховной власти... Люди разумные и честные вполне понимают, что при теперешнем состоянии России конституционный образ правления просто невозможен; но желать водворения в нашем управлении законности — можно и должно» (с. 350). Любопытно, что это же неоднократно провозглашалось Николаем II в официальных документах и выступлениях. 11 ноября 1894 г., принимая сенаторов,

он заявил: «Я уверен, что и при мне Сенат в деятельности своей будет руководствоваться одною правдою и законом»⁷. 22 марта 1903 г. в указе Сенату о введении в действие нового Уголовного уложения вновь говорилось о стремлении «к укреплению в народе чувства законности, которое должно быть постоянным руководителем каждого как отдельно в кругу личной его деятельности, так и в совокупном составе сословий и обществ»⁸. В указе 12 декабря 1904 г. утверждалось, что основная задача внутренней политики состоит в «охранении полной силы закона, важнейшей в самодержавном государстве опоры престола»⁹.

11 мая 1896 г. во время коронационных торжеств Милютин был назначен дежурным генерал-адъютантом, а 14 мая при самой коронации Николая II нёс Большую императорскую корону. Среди министров ходили слухи, будто император намерен поручить ему вместе с гр. К.И. Паленом расследовать обстоятельства Ходынской катастрофы (с. 407). Знаковым событием стало открытие 16 августа 1898 г. в Московском Кремле памятника Александру II. Ему, кстати, в царствование Николая II поставили более 3 тыс.(!) памятников (Александру III — только 21)¹⁰. Учитывая, что устанавливать их можно было исключительно по «Высочайшему соизволению», эта беспрецедентная монументальная пропаганда свидетельствовала о внимании монарха к политическому наследию деда. Кстати, и речь 17 января 1895 г., как отмечается в комментариях к дневнику, «по своему стилю и содержанию» напоминала «заявления, сделанные Александром II в Варшаве 10–11 мая 1856 г.» (с. 582). Открывая памятник в Москве, Николай II характеризовал освобождение крепостных крестьян как «великий подвиг» Александра II, «столь необходимый для блага России» и совершённый «так смело, мирно и благополучно». «Я и Россия, — утверждал он, — это помним, и история занесёт подвиг этот на свои скрижали золотыми письменами»¹¹.

В тот же день царь лично объявил Милютину о производстве его в генерал-фельдмаршалы. «Затем, — как сообщает Дмитрий Алексеевич, — высказано было Государем, что в лице моём воздаёт-

ся подобающая почеть великим деяниям самого императора Александра II, так как я остаюсь единственным из ближайших его сотрудников и исполнителей его благотворных предначертаний». Впрочем, когда только что назначенный генерал-фельдмаршал выразил надежду на то, что «нынешнее торжество» «заставит, наконец, умолкнуть безрассудных порицателей благодетельных для России реформ», разговор не получил продолжения и «Государь навёл речь на новый памятник» (с. 490–491). Тем не менее редактором «Санкт-Петербургских ведомостей» кн. Э.Э. Ухтомским, в 1895–1902 гг. отражавшим в своих передовицах настроения и взгляды монарха, резко критиковались тогда «удачливые Аракчеевы, с неимоверной злобой клеветавшие годами на эти реформы»¹². А гр. С.Д. Шереметев, горячо сочувствовавший контрреформам Александра III, с горечью вспоминал: «Апофеоз Милютин указал стремление к смарке прошлого»¹³.

Между тем к реформаторским традициям 1860-х гг. Николай II апеллировал и впоследствии. В феврале 1911 г. в рескрипте П.А. Столыпину он объявил, что «преклоняется» «перед величием подвига незабвенного Царя-Освободителя»¹⁴. В январе 1917 г. в царском рескрипте последнему председателю Совета министров империи – кн. Н.Д. Голицыну упоминалось про «светлые заветы устроителя земской жизни незабвенного моего деда императора Александра II»¹⁵. При этом Николай II стремился не противопоставлять, а сочетать наследие своих предков. В мае 1896 г. он заверял депутации волостных старшин в том, что «заботы о благе вашем так же близки моему сердцу, как они близки были деду моему и незабвенному дорогому родителю»¹⁶. В рескрипте Столыпину в феврале 1911 г. царь утверждал, что при проведении аграрной реформы следовал «мудрым заветам в Бозе почивающих деда и родителя моих»¹⁷. Не случайно тот же кн. Ухтомский, явно с ведома августейшего покровителя, писал в 1898 г., что царствование Александра III являлось не реакцией, а «скорее охраной и закреплением того, что было совершено его предшественником»¹⁸.

Так или иначе, несмотря на знаки монаршего внимания, Милютин в целом критически относился к правительственной

политике 1890-х гг. К концу десятилетия его пессимизм заметно усилился. «Некоторые утешительные надежды возродились было с переменою царствования, – признавался он 30 марта 1899 г., – но вот уже пятый год самодержавный скипетр в руках молодого, благодушного, симпатичного царя, – и никакой перемены не заметно в ходе государственной машины. Стало быть, недуг, останавливающий прогресс России, имеет корни глубоко, в самой почве, и нечего ждать лучшего в будущем». В первоначальном (впоследствии зачёркнутом и переписанном) варианте этой записи граф отмечал: «Горе наше заключается не в одном только образе действий правительственной власти – который, в течение времени, может меняться, а в том, что во всех слоях народа, сверху до низу, замечается какое-то несочувственное, почти враждебное отношение к прогрессу. Россия отличается от всех других стран тем, что все успехи её в гражданственности и благосостоянии идут не снизу, а сверху, даже не без некоторого насилия» (с. 519–520). Это, разумеется, не только не мешало, но скорее даже побуждало фиксировать и определённые достижения критикуемого правительства. Так, посетив в 1896 г. Нижегородскую выставку, Милютин констатировал, что она «выказывает замечательные успехи по многим отраслям экономической и общественной жизни России» (с. 415). Позднее, пережив революцию 1905–1907 гг., Дмитрий Алексеевич с явным облегчением писал о том, что «после нескольких месяцев неурядицы власти удалось восстановить законный порядок: кроткий по природе русский народ отрезвился, государство вышло из пережитого тяжёлого кризиса обновлённым и с лучшими надеждами на будущее»¹⁹.

Комментарии к дневнику составлены на самом высоком научном уровне и зачастую представляют собой небольшие исследования. Однако в них есть ряд досадных упущений. 20 марта 1895 г. Милютин отметил, что «ходит по рукам анонимное письмо на имя самого царя» – ответ на речь 17 января (с. 354). Копия этого документа была даже включена им в дневник (и публикации полностью приводят её в приложении (с. 691–693)). Но в комментариях не

говорится, что автором «анонимного письма» являлся П.Б. Струве. В комментарии, посвящённом записке И.Л. Горемыкина «Местное самоуправление как основание государственной администрации России», сообщается, что она «подготовлена» в Хозяйственном департаменте МВД (с. 660), но даже не упоминается её более чем известный автор – чиновник данного департамента С.Е. Крыжановский. В комментариях, поясняющих записи о Ходынской катастрофе, почему-то не отмечена известная публикация А. Кобяко²⁰. Кстати, возможно, следовало бы обратить внимание читателей на то, что трагедии, подобные Ходынской (тогда пострадали 2 690 человек, из них 1 389 – погибли), неоднократно происходили и в других странах, где во время официальных торжеств наблюдалось массовое скопления народа (на Ходынке собралось до полумиллиона человек!). Вечером 18 мая 1896 г. бывший посол в Берлине граф П.А. Шувалов рассказывал А.С. Суворину, что «такое же количество жертв было при коронации Наполеона I. При нём (Шувалове. – С.К.) в 1872 и [ли в 18]73 г. в Кёнигсберге народ обломал перила на мосту, и несколько сот человек упало в воду и утонуло»²¹. В тот же день великий герцог Альфред Саксен-Кобург-Готский (до 1893 г. – герцог Эдинбургский), беседуя со своим шурином вел. кн. Владимиром Александровичем, вспоминал, как в 1887 г. при праздновании 50-летия правления его матери – королевы Виктории погибло около 2 500 человек и несколько тысяч были ранены²².

Публикаторы составили обширные указатели имён и географических названий, встречающихся в милютинских дневниках, и это весьма облегчает работу с текстом. Однако, к сожалению, около 90 персон остались вовсе или почти без аннотаций – не приведены даже годы их жизни. Конечно, значительная их часть – люди безвестные: фактотум российского посланника в Афинах Анджело, виноделы А.Е. Немм, С.Ф. Охроменко и С.Н. Потапенко, строительный подрядчик в Ялте Попандопуло, крымский фотограф Орлов и др. Но как ни странно, среди оставшихся без полной аннотации встречаются также: тайный советник Н.И. Свечин (1815–1903), в 1861–1869 гг. управлявший делами IV отделения

Собственной е.и.в. канцелярии; полковник гвардейской конной артиллерии, а затем помощник начальника Главного управления почт и телеграфов М.Н. Мосолов 1-й; демарх Афин в 1891–1894 гг. Михаил Меласс (1833–1897); принц Луи Наполеон Мюрат (1851–1912), женатый на кн. Е.М. Орбелиани (урождённой Сомовой), и даже известный адвокат В.Д. Спасович. Сведения о них легко можно найти в справочниках. По странной оплошности в указатель вообще не попал военный министр А.Н. Куропаткин, о котором не раз идёт речь и в самом дневнике, и в комментариях.

Удачно подобранные иллюстрации позволяют читателю лучше представить деятелей, места и некоторые события, о которых пишет автор дневника. Профессионализму публикаторов вполне соответствует и высокий уровень полиграфической культуры, отличающий данное издание – книгу буквально не хочется выпускать из рук. Это достойное завершение многолетнего труда.

Примечания

¹ Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. Т. 1 Кн. 1–3 / Под редакцией заслуженного ординарного профессора Военной академии Генерального штаба генерал-лейтенанта Г.Г. Христиани. Томск, 1919; Дневник Д. А. Милютин. 1873–1882 / Под ред. П. А. Зайончковского. Т. 1–4. М., 1947–1950; там же. Т. 1. С. 73; Т. 4. С. 5. Подробнее см.: *Захарова Л. Г.* Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1816–1843 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1997; *она же.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютин // *Отечественная история.* 2000. № 5; *она же.* Россия XIX века в мемуарах Д. А. Милютин // Там же. 2003. № 2.

² *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1816–1843; То же. 1843–1856. М., 2000; То же. 1856–1860. М., 2004; То же. 1860–1862. М., 1999; То же. 1863–1864. М., 2003; То же. 1865–1868. М., 2005; То же. 1869 – начало 1873. М., 2006; *он же.* Дневник. 1873–1875. М., 2008; То же. 1876–1878. М., 2009; То же. 1879–1881. М., 2010; То же. 1882–1890. М., 2010; То же. 1891–1899. М., 2013.

³ Подробнее см.: *Куликов С. В.* Народное представительство Российской империи (1906–1917 гг.) в контексте мирового консти-

туционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения – 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906–1917 гг.). СПб., 2010. С. 29.

⁴ Буксгевден С. К. Император Николай II, каким я его знала. Отрывки воспоминаний // Возрождение. 1957. Тетрадь 67. С. 35.

⁵ Савельев А. А. Два восшествия на престол русских царей (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 100.

⁶ Соловьёв Ю. Б. Начало царствования Николая II и роль Победоносцева в определении политического курса самодержавия // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 312.

⁷ Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 6.

⁸ ПСЗ-III. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 22703.

⁹ ПСЗ-III. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1907. № 25495.

¹⁰ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 87–118, 150–162.

¹¹ Полное собрание речей... С. 20.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 21 августа.

¹³ Шереметев С. Д. Мемуары. М., 2001. С. 377.

¹⁴ Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. Т. 1. М., 1997. С. 553.

¹⁵ Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 339.

¹⁶ Полное собрание речей... С. 8.

¹⁷ Джунковский В. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 553.

¹⁸ Ухтомский Э. Э. Два царствования // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 11 августа.

¹⁹ Милютин Д. А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России // Государственная оборона России. Императивы русской военной классики. М., 2002. С. 100.

²⁰ Документы о Ходынской катастрофе 1896 г. // Красный архив. 1936. Т. 76. С. 31–48.

²¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Публ. Н. А. Роскиной, О. Е. Макаровой и Д. Рейфилда. Л.; М., 1999. С. 231.

²² Куропаткин А. Н. Из дневников // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 48.

Михаил Мухин

Рец. на: В. В. Поликарпов. Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. М.: Центрполиграф, 2015. 383 с.

Mikhail Mukhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: V. V. Polikarpov. Russkaia voenno-promyshlennaia politika. 1914–1917. Gosudarstvennye zadachi i chastnye interesy. Moscow, 2015

Столетний юбилей начала Первой мировой войны в 2014 г. сопровождался выходом ряда исследований, посвящённых различным аспектам её истории. Одной из наиболее обсуждаемых стала экономическая ситуация в России, степень подготовленности страны к военным испытаниям, влияние экономических затруднений на социальную, военную и политическую сферы жизни. Интерес к данной тематике проявился даже со стороны исследователей, которые ранее специально сюжетами начала XX в. не занимались. В. В. Поликарпов к их

числу не относится. Его статьи и монографии по экономической истории хорошо известны как специалистам, так и любителям, а военная промышленность и сюжеты, так или иначе с ней связанные, всегда были в фокусе его внимания. Однако новая книга этого маститого историка производит неоднозначное впечатление. Наряду с очень интересными, даже прорывными моментами, в ней присутствуют как минимум спорные высказывания, суждения и умозаключения.

Во вводной части («От автора») Поликарпов ожидаемо начинает с формули-